

## ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БУБРИХ<sup>1</sup>

Д.В. Бубриха я видел неоднократно в коридорах предвоенного филологического факультета ЛГУ, в состав которого входило тогда и финно-угорское отделение. В 1938 г., побывав впервые в фольклорной экспедиции в Карелии, организованной кафедрой фольклора ЛГУ совместно с Карельским научно-исследовательским институтом культуры, я познакомился со студентом нашего факультета — финно-угроведом, уже сотрудничавшим с карельским институтом, — Николаем Ивановичем Богдановым, вепсом по национальности, и преподавателями финно-угорского отделения финном Матвеем Михайловичем Хямяляйненем и карелом Александром Антоновичем Беляковым (после войны мы около полутора десятков лет работали вместе в Петрозаводском Институте истории, языка и литературы). От них я и услышал впервые о Дмитрие Владимировиче Бубрихе — их учителе и тогда уже знаменитом ведущем советском финно-угроведе.

Познакомился я с Д.В. Бубрихом и ближе узнал его только в 1947 г., когда переехал из Ленинграда в Петрозаводск и стал сотрудником Института, директором которого он был. История моего перехода из аспирантуры при кафедре фольклора филологического факультета в Петрозаводский институт такова. Весной 1947 г. в Петрозаводск были приглашены на совещание, связанное с предстоящим в 1949 г. 100-летием полного издания «Калевалы», мои университетские учителя — М.К. Азадовский и

---

<sup>1</sup> Впервые опубликовано: Воспоминания о моем первом директоре // Д.В. Бубрих: К 100-летию со дня рождения: Сборник статей. СПб., 1992. С. 89–97. Дмитрий Владимирович Бубрих (1890–1949) — выдающийся финно-угровед, чл.-корр. АН СССР (1946), профессор Ленинградского государственного университета. После освобождения Карелии от немецко-фашистских захватчиков был переведен из сыктывкарской эвакуации в Петрозаводск и назначен директором формирующегося Института истории, языка и литературы. Одновременно он выполнял обязанности заведующего кафедрой финно-угроведения Карело-Финского (Петрозаводского) университета, возглавлял финно-угорский сектор Института языка и мышления АН СССР (Ленинград) и кафедру финно-угорских языков Ленинградского университета.

В.Я. Пропп. Во время совещания возник вопрос о завершении комплектования в Петрозаводске сектора фольклора, который и взял бы на себя основные организационные заботы о юбилее. Он должен был стать не только всесоюзным, но и международным юбилеем. Требовался фольклорист, готовый переехать в Петрозаводск и который мог бы заведовать формирующимся сектором. М.К. Азадовский и В.Я. Пропп рекомендовали меня, зная, что я еще до войны успел побывать в трех фольклорных экспедициях в русские районы Карелии и в семинаре М.К. Азадовского занимался русским фольклором Карелии. Несомненно, что в решении рекомендовать меня весьма важную роль сыграло то, что я принадлежал к кругу учеников М.К. Азадовского, активно сотрудничавших с КарНИИ культуры. Мой приезд в Петрозаводск воспринимался как обеспечение непрерывности работы его фольклорной секции после арестов 1937–1938 гг. (Н.Н. Виноградов и др.). Силами студентов в последние годы перед войной была подготовлена целая серия книг — «Сказки Ф.П. Господарева» (Н.В. Новиков, 1941), «Русские плачи Карелии» (М.М. Михайлов, 1940), «Былины Пудожского края» (Г.Н. Парилова и А.Д. Соймонов, 1941), «Народное творчество Карело-Финской ССР» (В.В. Чистов, 1940). За ними должна была последовать следующая серия книг, которые готовили младшие участники семинара, в числе которых был и я. В предвоенные годы М.М. Михайлов, А.Д. Соймонов, Г.Н. Парилова поехали в Карелию на постоянную работу. Меня же обуревали сомнения. Не прошло еще двух лет, как я демобилизовался, вернулся в Ленинград, поступил в аспирантуру и с наслаждением окунулся в океан книг в ленинградской Публичке, библиотеке Академии наук, университетской библиотеке, от которых был оторван на долгие четыре года войны. И теперь снова уезжать из Ленинграда?! Но М.К. Азадовский и В.Я. Пропп стали меня решительно уговаривать. Карелия — фольклорная страна, я не только до войны занимался русским фольклором Карелии, но и в аспирантуре избрал тему, связанную с ним («Поэтическое наследие И.А. Федосовой»). И главное, Петрозаводский институт возглавляет один из самых выдающихся ленинградских филологов — Дмитрий Владимирович Бубрих, прекрасный человек, очень доброжелательный и интенсивно работающий. Работать с таким директором — большая удача.

Мне вспомнился разговор с М.К. Азадовским, который произошёл примерно годом раньше. Вернувшись из армии и наконец дождавшись возможности заниматься любимым делом, я испытывал жажду, жадность, с трудом сдерживаемую ревность (пусть мне простит читатель невольный архаизм) к делу, за которое я принялся. Все было интересно и хотелось непомерно много. И

вскоре я обнаружил, что не успеваю сделать то, что хочется и обязательно надо. Я пожаловался как-то Марку Константиновичу. Он посмотрел на меня ласково и, наклонив голову, как это он обычно делал, сказал: «Ну а кто же успевает? Никто не успевает!». Потом, немного помолчав, вдруг произнес: «Впрочем, нет. В Ленинграде есть два человека, которые поспевают, — Жирмунский и Бубрих. Только два человека, остальные не поспевают». Я не ручаюсь за точность воспроизведенных слов, но смысл их был именно такой. Мне тогда представлялось, что чем крупнее ученый, тем больше у него дел. Как же они поспевают?

Я заглянул в каталог Публичной библиотеки и убедился в том, что Д.В. Бубрихом опубликовано много. Он начал печататься еще в 1914 г., едва окончив университет. Я понял, что работать под началом такого директора мне будет действительно интересно, тем более в Карелии, которая мне уже в предвоенные годы казалась «своей», и я решил. До отъезда я должен был официально представиться Д.В. Бубриху. Для этого я был приглашен на его квартиру на Васильевском острове. Дмитрий Владимирович был очень приветлив. Но что я мог рассказать о себе? Воевал, демобилизовался, поступил в аспирантуру. В студенческие годы бывал в экспедициях, читал доклады в семинарах у М.К. Азадовского, Б.М. Эйхенбаума, Г.А. Гуковского, напечатал одну рецензию и записи былин от И.Т. Фофанова. Война заставила повзрослеть, но все еще впереди. Дмитрий Владимирович обо всем этом внимательно расспросил. При этом не чувствовалось никакой снисходительности, только дружеское желание оценить перспективы. Особенно заинтересовал его замысел моей диссертации. Имя И.А. Федосовой было ему хорошо известно, и он высказал идею, которую я смог оценить только через несколько лет, когда вслед за моими занятиями русскими причитаниями У.С. Конкка, а за ней и позже А.С. Степанова взялись за карельские причитания. Д.В. Бубрих сформулировал тогда удивившую меня проблему: «Я пробовал читать карельские причитания, но, честно говоря, ничего в них не понял. Они полны лингвистических и этнографических загадок и неясностей. Может быть, когда-нибудь до них доберетесь». Исследования У.С. Конкки и А.С. Степановой действительно показали, что поэтическая система карельских причитаний поразительно архаична, она в значительной степени построена на метафорических заменах, формировавшихся в условиях ритуального табуирования определенного круга понятий (слов). То, что в русских причитаниях обнаруживалось как рудименты древней системы, в карельских представало в удивительно хорошо сохранившемся виде.

Удивило меня и другое. Когда я пришел к Дмитрию Владимировичу, он сидел на стуле около обеденного стола, на котором был невообразимый беспорядок. Немытая посуда была сдвинута от края, где лежали какие-то развернутые книги, а писал Дмитрий Владимирович, положив на колени какую-то папку. Я не был в других комнатах его квартиры и не знаю, был ли там письменный стол, но и позже я неоднократно видел Дмитрия Владимировича работающим в самых, казалось бы, неблагоприятных условиях. Петрозаводчане, которые были в годы войны в эвакуации в Сыктывкаре, рассказывали мне, что частенько видели Д.В. Бубриха в очереди в магазин или в столовую, углубленного в книгу, делающего выписки и пометки и совершенно отрешенного от всего, что творилось вокруг.

Когда я работал в Карельском институте, я неоднократно был свидетелем умения Дмитрия Владимировича сосредоточиться и поразительно быстро проделать работу, на которую большинству сотрудников института обычно требовалось гораздо больше времени. Он не только мог быстро прочитать чужую работу, но и отредактировать или даже переработать ее.

Мне сейчас трудно вспомнить точно, в каком именно году произошло то, о чем я собираюсь рассказать. Вероятно, это было в самом конце 1940-х годов, может быть, в 1949 г. Один из его учеников, родом карел, человек отнюдь не молодой, составил словарь своего родного диалекта. Материал, видимо, был богатый и во многих отношениях интересный. Однако способ оформления лексического материала, вошедшего в словарь, не удовлетворил Д.В. Бубриха. И он вдруг объявил, что на несколько дней исчезает из института, просит забыть, что он в Петрозаводске (в Петрозаводске он бывал наездами, продолжая работать и в Ленинградском университете, и в Институте языка и мышления). Он заперся на несколько дней в квартире составителя словаря и решительно «перелопатил» его работу. В результате, как рассказывали сотрудники сектора языкознания, возникла одна из лучших диалектологических работ первых послевоенных лет.

Я намеренно не называю фамилии составителя словаря, так как боюсь оказаться неточным и сознаю, что подобного рода воспоминания должны проверяться документально. Я же опираюсь только на собственную память и разговоры сотрудников тех лет между собой. Может быть, это и легенда, но она очень характерна — так все мы думали тогда о творческих возможностях Дмитрия Владимировича и об интенсивности его деятельности. Заглядываю в библиографию его работ, напечатанную в книге Г.М. Керта

«Д.В.Бубрих»<sup>2</sup>, и убеждаюсь в том, что для подобных «легенд» (если это только были легенды!) были бесспорные основания. Так, под 1947 годом значится 20 публикаций, под 1948 — тоже 20, под 1949 — 11 и среди них книга «Грамматика литературного коми языка».

Директорские обязанности Д.В. Бубрих выполнял весьма своеобразно. Снова оговорюсь — я далеко не всегда был свидетелем «внутренних» разговоров в дирекции, в которую в то время входили в качестве заместителя директора Е.С. Гардин и ученого секретаря — Н.И. Богданов. Первый из них как бы замещал Д.В. Бубриха между его приездами в Петрозаводск, и в его функции входило общение с отделом науки Центрального комитета Коммунистической партии Карелии и в какой-то мере руководство филиалом Академии наук. Эти официально-служебные дела, как я помню, не очень интересовали Дмитрия Владимировича. Тем более что Е.С. Гардин не то чтобы оберегал директора от лишних забот, а, скорее, стремился изолировать его от некоторых из них, придавая своей собственной деятельности явно преувеличенное значение («я согласовал с ЦК...» или «мы в ЦК договорились...», «я получил ответственное указание...» и т.д.). Д.В. Бубрих в таких случаях тут же соглашался и стремился заняться собственно научными делами.

Мои официальные разговоры с Дмитрием Владимировичем происходили чаще в комнате сектора, а не в дирекции. Он любил подсесть к кому-нибудь и просил рассказать, чем он (или она) занимается. Выслушивал очень терпеливо и внимательно, старался включиться в размышления сотрудника, вместе с ним подумать о том, как преодолеть возникающие трудности, найти необходимые методические приемы. В такие приходы все мы, сотрудники сектора литературы и народного творчества, а не только я, заведовавший в это время сектором, старались не пропустить ни одного его слова, ни одной его интонации. Все мы были молоды и неопытны, только начинали свой путь в науке, были очень поразному осведомлены в основах наук, которыми занимались. Но это никак не влияло на манеру его бесед с нами. Дмитрий Владимирович без тени снисходительности вникал в наши дела и терпеливо старался помочь. Его знания были весьма широки, а исследовательский опыт велик. В этом мы были убеждены и бесконечно доверяли ему и его доброжелательности. Правда, иногда после его ухода некоторые сотрудники просили еще раз повторить и

---

<sup>2</sup> См.: *Керт Г.М.* Дмитрий Владимирович Бубрих. 1890–1949. Очерк жизни и деятельности. Л., 1975.

истолковать сказанное, несмотря на то, что говорил он достаточно просто и ясно. Но с этим нам, как правило, удавалось справляться.

Вспоминая обо всем этом, я не могу не признать, что другого такого директора я не встречал ни в тех учреждениях, где я служил, ни в тех, где мне приходилось бывать. Сами функции директора он понимал весьма своеобразно и, особенно по тем временам, необычно. Руководить, считал он, значит помочь, когда это возможно.

А времена были нелегкие во всех общественных науках, в том числе и в языкознании. Как и в других областях науки и искусства, здесь складывалась все более жесткая авторитарная система. В каждой сфере нужен был ведущий марксистский авторитет. В театре это был МХАТ, в физиологии — Павлов, в биологии — Лысенко и Мичурин, в литературе — Горький и Маяковский. В языкознании кандидатом в такие абсолютные авторитеты был Н.Я. Марр. Ни у кого теперь нет сомнения в том, что Марр был одним из крупнейших лингвистов XX в. Однако его сочинения мало годились на роль цитатника. Он был человеком бурного научного темперамента, со всей свойственной ему энергией часто пересматривал свои взгляды, отваживался на самые неожиданные обобщения. При всем этом, как ни удивительно это теперь, на протяжении нескольких лет официально утверждалось мнение, что марризм — это и есть истинно марксистское языкознание. При этом из фрагментов, выхваченных из самых различных по назначению работ Н.Я. Марра, конструировалась некая догматическая система, всякие отклонения от которой осуждались.

По рассказам самого Д.В. Бубриха, его отношения с Н.А. Марром складывались весьма своеобразно. Марр за несколько лет до смерти предложил Дмитрию Владимировичу организовать при Институте материальной культуры<sup>3</sup>, который он возглавлял, кабинет финно-угроведения. Бубрих сказал ему, что это вряд ли возможно, так как многое в так называемом «новом учении о

---

<sup>3</sup> Имеется в виду Российская академия истории материальной культуры (РАИМК), которая была создана 18 апреля 1919 г. на базе Археологической комиссии, существовавшей, в свою очередь, с 1859 г. Первым директором РАИМК был Николай Яковлевич Марр (1864–1934). В 1926 г. Академия была переименована в государственную (ГАИМК). В 1937 г. ГАИМК вошла в систему учреждений АН СССР и получила новое название — Институт истории материальной культуры. С 1959 г. это учреждение называлось Институтом археологии АН СССР, а в эпоху «перестройки» в 1992 г., подобно другим научным учреждениям с богатой историей, вернулось к старому названию. Сейчас это Институт истории материальной культуры (ИИМК) Российской академии наук.

языке» Марра не принимает и пока не может принять. Н.Я. Марр, который не был лишен агрессивности в дискуссиях с неприемлющими «новое учение», очень добродушно отвечал на это, что надо поработать вместе, привыкнуть друг к другу и товарищески поспорить. Видимо, он был все-таки далеко не столь агрессивен, как записные «марристы» — догматики 40-х годов, которые организовали травлю многих замечательных ученых за «отступления» от марризма. В Карелии особенно неистовствовал заведовавший сектором языка Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР В.И. Алатырев, человек малообразованный и в научном отношении бесплодный. «Марристская» кампания преследования Дмитрия Владимировича была для него средством остаться «на плаву». Каждое заседание Ученого совета и даже каждое профсоюзное собрание превращалось в митинг, на котором вновь и вновь провозглашались лозунги борьбы с немарристским языкознанием. Одним из постоянных доводов, который должен был убедить присутствовавших в том, что Д.В. Бубрих не-маррист или недостаточно маррист, был тот, что он занимается темами, которыми не занимался Н.Я. Марр.

Д.В. Бубрих не дожидаясь появления статей И.В. Сталина по вопросам языкознания, в которых разоблачался марризм как вульгаризация марксизма. Корифеем научного языкознания стал считаться сам Сталин. Трудно предположить, что это облегчило бы жизнь Д.В. Бубриха. Но можно не сомневаться в том, что атаки догматиков-«марристов» укоротили его жизнь. Он скончался еще полный сил, не дожив до 60 лет<sup>4</sup>.

Припоминается еще одна, может быть, и не столь уж значительная история, которая в последний год жизни Бубриха тоже основательно потрепала его нервы. В каком-то издании Коми филиала АН появилась как будто вышедшая из недр старого губернского краеведения статья Н.И. Шишкина, в которой возрождались «емская» теория происхождения коми.

Д.В. Бубрих резко отрицательно отнесся к этой статье и не мог на нее не ответить. Статья «Не достаточно ли емских теорий»? была написана, но Дмитрий Владимирович уже не увидел ее в печати<sup>5</sup>. Статья Н.И. Шишкина раздражала его не только своей научной несостоятельностью, но и тем, что автор прикрывал невежество демагогическими политическими обвинениями тех, кто окажется с ним не согласен.

---

<sup>4</sup> Дмитрий Владимирович Бубрих скончался 30 ноября 1949 г. Статья И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» появилась в 1950 г.

<sup>5</sup> *Бубрих Д.В.* Не достаточно ли емских теорий? // Изв. Карел. фил. АН СССР. Петрозаводск, 1950. № 1. С. 80–92.

Уже после смерти Д.В. Бубриха состоялось обсуждение этой его статьи в составе рукописи очередного тома «Известий Карельского филиала». В.И. Алатырев и кто-то из историков, оперируя аргументами Н.И. Шишкина, предприняли попытку не допустить статью Дмитрия Владимировича к печати. Прозвучали все те же политические обвинения. Но замысел этот был сорван выступлениями И.П. Шаскольского (в те годы он был сотрудником Карельского филиала АН СССР), А.М. Линевского и моим. Успех в борьбе с политиканством, не прекратившимся даже после кончины ученого, был закреплен статьей И.П. Шаскольского, напечатанной в том же номере «Известий Карельского филиала АН СССР» в качестве комментария к произошедшему спору («О емской теории Шегрена и ее последователях») и к статье Д.В. Бубриха «Не достаточно ли емских теорий?»<sup>6</sup>.

Из многих бесед с Д.В. Бубрихом (в институте, в гостинице, где он останавливался, в ленинградском поезде и т.д.) особенно памяты мне три. Первая из них связана была с тем, что до занятий финно-угроведением, которые начались участием в мордовской экспедиции, организованной А.А. Шахматовым, Дмитрий Владимирович занимался славистикой (см. список его работ в книге Г.М. Керта, о которой мы уже упоминали), в частности кашубами (ляшской народностью, близкой к полякам, на территории Западной Пруссии; между двумя мировыми войнами они оказались в составе Польши, в так называемом «польском коридоре», которым обеспечивался ее выход к морю). Я не преминул заметить, что в последние месяцы службы в армии уже после конца Великой Отечественной войны часть, в которой я служил, была расквартирована в Пройсиш Нойштадте (ныне Вейгерово) и в Цопоте (ныне Сопот), в «польском коридоре», и под влиянием своих студенческих занятий славистикой и польским языком (в частности, под влиянием книги И.А. Бодуэна де Куртэне «Кашубский язык») я разыскивал кашубов, чтобы послушать живую кашубскую речь. Я рассказал об этом и о том, что фашистское правительство заставляло кашубов отказаться от своей национальности и приказало объявить себя просто немцами (то же самое происходило и с лужицкими сербами в юго-восточной Германии). Кашубы из солидарности с польским народом, несмотря на очень реальную угрозу попасть после этого в лагерь или подвергнуться другого рода репрессиям, демонстративно объявляли себя поляками. Я спрашивал местных жителей, как мне найти кашубов, но мне отвеча-

---

<sup>6</sup> *Шаскольский И.П.* О емской теории Шегрена и ее последователях // Изв. Карел. фил. АН СССР. Петрозаводск, 1950. № 1. С. 93–102.

ли, что здесь все поляки, хоть и некоторые из них кашубы, то есть этническое самосознание под влиянием кровавых политических событий стало превращаться в локальное и групповое (кашубы — поляки, но одновременно и кашубы).

Вторая памятная мне беседа или, точнее, несколько бесед на одну и ту же тему касались цикла работ Д.В. Бубриха по проблемам этногенеза карел на основе лингвистических (диалектологических и сравнительно-языковедческих) данных. Это была небольшая книжечка «Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере» (Петрозаводск, 1947), удивительно емкая и выразительно написанная, доклад на ту же тему на одной из финно-угроведческих конференций, статья «Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных»<sup>7</sup>. Я не могу воспроизвести эти беседы дословно. Память сохранила лишь общие очертания их. Мой интерес к этой тематике объяснялся в те годы не только общим интересом к истории карел, но и интенсивным обсуждением проблем этногенеза (в годы войны и в первые послевоенные годы) этнографами, историками, лингвистами. В частности, проблема этногенеза славян и восточных славян была отягощена многими политическими спекуляциями, которые смущали меня, прикоснувшегося к этим темам еще в предвоенные студенческие годы, когда подобного рода споры были значительно содержательнее в научном отношении.

И, наконец, в 1947–1949 гг. мы много раз возвращались к проблемам карельского эпоса и «Калевалы» Э. Леннрота. В феврале 1949 г. отмечалось, и причем довольно широко, 100-летие первого полного издания «Калевалы». По должности мне пришлось выполнять функции ученого секретаря Правительственной комиссии, которую возглавлял О.В. Куусинен. В отсутствие Д.В. Бубриха происходили заседания комиссии — я его информировал о них. Мне приходилось ездить в Москву к О.В. Куусинену с докладами о ходе подготовки к юбилею. Особенно сложны были вопросы, связанные с научной сессией, которая должна была состояться в дни юбилея и за которую отвечал наш институт, так как целому комплексу научных проблем придавался политический характер. Руны, которые легли в основу «Калевалы», были записаны преимущественно от карел. Поэтому все возможные разговоры о западно-финском (и даже вообще — финском) происхождении рун решительно пресекались. В официальном назва-

---

<sup>7</sup> Бубрих Д.В. Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных // Изв. Карело-Фин. науч.-исслед. базы АН СССР. 1948. № 3. С. 42–50.

нии юбилея удалось удержать формулу «Карело-финский эпос» не потому, что официальные руководители республики понимали значение «Калевалы» в истории финской культуры, а только потому, что сама республика в это время называлась Карело-Финской. Впрочем, надо оговориться: О.В. Куусинен как человек, получивший в свое время хорошее финно-угроведческое филологическое образование, понимал все эти проблемы гораздо глубже и серьезнее — это прозвучало потом в его официальном докладе на торжественном заседании. Вопрос об этнической принадлежности «Калевалы» он связывал с особенностями развития феодализма в Финляндии и Карелии. Но были вопросы, которые волновали и О.В. Куусинена. Ему не нравилась вступительная статья Д.В. Бубриха к русскому изданию «Калевалы» 1933 г. (издательство «ACADEMIA»), в которой излагались популярные в то время в финляндской науке теории происхождения рун, к которым О.В. Куусинен относился весьма критически. Волновал его и будущий доклад В.М. Жирмунского — его уже начали поругивать в печати (так называемый «большой Совет» ЛГУ и кампания расправы с «космополитами» была еще впереди, но уже начали ощущаться как бы некоторые «подземные толчки» — предвестники будущего землетрясения).

С В.М. Жирмунским О.В. Куусинен при моем посредничестве вступил в прямую переписку. Захотел он встретиться и с Д.В. Бубрихом. Я известил об этом Дмитрия Владимировича, и встреча состоялась в один из его приездов в Москву. Они договорились, что Бубрих не станет каяться и отказываться в целом от статьи 1933 г., но выберет один вопрос, по которому у него за прошедшее время действительно изменилось мнение. Речь шла об известном пассаже в сочинении М. Агриколы (XVI в.). В нем упоминались имена героев эпических песен. В 1933 г. Д.В. Бубрих считал этот факт одним из убедительных свидетельств западно-финского происхождения карельского эпоса. В 1949 г. он опубликовал в карельском журнале «На рубеже» (предшественник «Севера»), издававшемся на русском языке, популярную статью, которая называлась «Об одной моей грубой ошибке». Это был предварительный вариант доклада в сборнике материалов сессии под заглавием «К вопросу об этнической принадлежности рун “Калевалы”»<sup>8</sup>. На фоне травли марровцами это был достойный выход из ситуации, которая в те времена оценивалась как довольно сложная.

---

<sup>8</sup> См.: Бубрих Д.В. Об одной моей грубой ошибке // На рубеже. 1949. № 1. С. 121–122; Бубрих Д.В. К вопросу об этнической принадлежности рун «Калевалы» // Труды юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 1950. С. 142–151.

Я не был, к сожалению, ни учеником, ни близким другом Дмитрия Владимировича Бубриха и на более пространные воспоминания я, вероятно, не имею права. Но должен еще раз повторить: память о моем первом директоре как замечательном ученом, работавшем с изумляющей интенсивностью, прекрасном доброжелательном человеке для меня незабываема. Это был один из самых достойных людей, которых я встречал в своей, теперь уже довольно продолжительной жизни.